

Так, согласно этому источнику, Душан подтвердил за Баньским монастырем несколько ранее данное им «село Кичиче с межами и со всеми правами села того, как держали прежде проиары — прежде пожалования царства моего [этой] церкви». И далее текст гласит: «И еще царство мое даровало в Плаве (Плавской области. — *Е. Н.*) село Улотино с межами и . . . всеми правами села того и с плавинной и с ливадами, как держали проиары. . .»²³. Разумеется, и в этом случае можно было бы, пожалуй, предполагать, что перед нами снова появляются владения, которые уже давно не были проиариями, поскольку здесь не указаны (забыты?) имена проиаров.

Между тем такое предположение нам кажется малообоснованным и ввиду географического расположения упомянутых селений, которые сохранились до наших дней (село Кичиче — южнее Косовской Митровицы, а Улотина — в верхнем течении Лима, южнее Андриевицы). Иными словами, было бы совершенно невероятным сохранение византийских проиаров на южной кромке собственно сербских областей, граничивших с Византией только в конце XII в. до завоеваний Немани. Все это, вероятно, дает основание для вывода о том, что появление проний в самой Сербии (в отличие от Македонии и других греческих земель) следует связывать, скорее всего, с эпохой завоеваний Душана на юге и интенсивного внедрения византийских институтов и терминов в политическую структуру созданного им Сербско-греческого государства (40-е годы XIV в.)²⁴. Вместе с тем даже в этот период пронии, как нам кажется, еще не получили и не смогли получить значительного распространения в старых владениях Неманичей — Рашке и Зете; по-видимому, все же гораздо больше их было на чисто греческом юге империи Душана, хотя и там (по сравнению с эпохой Палеологов) произошло заметное сокращение их числа ввиду щедрых пожалований Душана в пользу церкви, афонских монастырей, равно как и его сподвижников из рядов сербской, греческой и албанской светской знати²⁵.

О том, что даже во время правления царя сербов и греков Душана прония оставалась фактически лишь второстепенным компонентом в феодальной аграрной системе его державы, вполне красноречиво свидетельствуют постановления изданного им Законника (1349). Не говоря уже о том, что прония в нем посвящена лишь одна статья (59-я, если не считать постановлений ст. 68 и 106 о проиаре и проиаревиче), мы можем указать хотя бы на частое упоминание баштин на протяжении почти всего текста Законника, на то, что в эти годы стали правилом пожалования в баштину не только отдельных селений, но и целых областей (жуц)²⁶, наконец, на то, что наряду с баштиной и пронией существовала своеобразная разновидность феодального держания — так называемая «держава», т. е. пожалование центральной властью какому-то светскому феодалу округа или области в кормление, во временное управление. Эти постановления Законника, находящие подтверждение и в сохранившихся грамотах первой половины XIV в., показывают, что несомненное преобладание и численное превосходство оставалось, разумеется, за баштиной как наиболее распространенным видом феодальной собственности.

Кстати, даже названная ст. 59 Законника как будто указывает на то, что в имениях среднего (абстрактного) феодала прония служила только дополнением к его баштине, и поэтому тот, кто

²³ С. Новаковић. Законски споменици. . . стр. 631.

²⁴ К сходному выводу пришла и С. П. Боброва (К вопросу об условном землевладении в Сербии. — «Славянский сборник», I, вып. исторический. Воронеж, 1958, стр. 22).

²⁵ Ср. Г. Острогорски. Пронија, стр. 139—140.

²⁶ С. Новаковић. Законик Стефана Душана цара српског 1349 и 1354. Београд, 1898, стр. 83 и 102.